

Основной и отвлекающий удары в противостоянии Запада и России

Комментарий эксперта, 11.03.2024

Аствацатур Тер-Товмасян

Резюме

Внешняя политика РФ относится к «украинской проблематике» как к основному фронту глобального цивилизационного и политико-идеологического противостояния с коллективным Западом. Между тем, рассмотрение военно-политических задач и отношений с рядом стран исключительно сквозь призму «украинской улицы» привело к необратимо опасной ситуации еще на одном, быть может более важном с точки зрения долгосрочных российских безопасностных интересов в регионе – Южном Кавказе.

Тактика Москвы по умиротворению страны НАТО Турции и «скармливанию» ее сателлиту – Азербайджану армянского Арцаха с целью недопущения их прямого вовлечения в антироссийскую коалицию, упустила из виду стратегическое значение южнокавказского региона для антироссийской политики самого Запада, а также фактического совпадения интересов Анкары и коллективного Запада в вопросе его опосредованного выхода на Среднеазиатский регион.

При этом просчеты и упущения архитекторов региональной политики Москвы поставили под вопрос политико-правовые и морально-исторические основы ее присутствия на Южном Кавказе, предоставив Западу возможности для многопланового «охвата» и удушения России уже и с юга – Среднеазиатского приграничья, на много расширяя линию соприкосновения российской стороны с потенциально враждебной ей средой.

«Пожертвовав» жизненными интересами своего регионального союзника в угоду турецко-азербайджанскому тандему и практически лишившись иных ресурсов по их сохранению в своей орбите, Москва оказалась перед лицом перехода/перетягивания Турции в лагерь противника с целым комплексом военно-политических, политико-экономических и внутривосточных последствий.

Основной и отвлекающий удары в противостоянии Запада и России

Принято считать, что после развала СССР начало нового витка глобального противостояния между Западом и Россией было ознаменовано исторической речью Путина, произнесенной им в феврале 2007 г. в Мюнхене. Именно тогда российский президент впервые на международном уровне озвучил тезисы о несостоятельности модели однополярного мира, о недопустимости продолжающегося расширения НАТО на Восток, о провокационности действий США и Брюсселя по разворачиванию элементов системы противоракетной обороны в Европе и т. д. Впоследствии, в своей не менее известной «Валдайской речи» в октябре 2014-го Путин практически подтвердил, что «Российская держава» не собирается мириться с ролью статиста на глобальной геополитической арене. Российские военно-политические элиты и общество в целом восприняли путинские послания, как давно ожидаемую и должную реакцию, ознаменовавшую начало эпохи «вставания с колен» России.

К тому времени эйфория инфантильной фетишизации западных веяний, образа жизни, либеральных ценностей в российском обществе уже прошла во многом благодаря относительно выправившейся социальной обстановки в стране, а наблюдаемое российским обществом возрастающее с каждым годом пренебрежение Западом в отношении норм международного права, распространение диктата либерального миропорядка, самоуправство вопреки и в обход Совбеза ООН (Югославия – 1999 г., Ирак – 2003 г. и т.д.) все сильнее возбуждало его раздражительность, вызывая чувство тревоги и ожидания прямой западной военной экспансии против самой России с целью ее окончательного расчленения и, по сути, уничтожения.

На Западе же путинское «бунтарство» было воспринято как признак исторического ревизионизма и попытка реанимации СССР, как концептуальной формы и философии возрождающегося русского империализма. Именно такая оценка ситуации была заложена Вашингтоном и Брюсселем в идеологическую платформу новой конфронтации с Россией, позволив на практике сколотить против Москвы обширную коалицию не только из стран-членов Североатлантического альянса, но и государств, отколовшихся в относительно недавнем прошлом от советской метрополии.

Между тем причины путинского демарша против устоев однополярного мира не следует искать только в одном из изложенных выше диаметрально противоположных друг другу концептуальных оценок. Вероятнее всего, истина кроется где-то посередине. К моменту демонстрационного оглашения Путиным новой вехи в отношениях с Западом Россия уже смогла оправиться от последствий постсоветского

¹ Культуролог, социолог.

кризиса. Образно выражаясь – население было накормлено, долги западным заемщикам были выплачены с форсированием долгосрочных графиков, реанимированная новыми технологиями и рынками сбыта нефтегазовая отрасль обеспечивала бюджет стабильными доходами, северокавказский сепаратизм был обуздан, снова заработала сфера ВПК и, наконец, была выстроена достаточно прочная вертикаль власти, ликвидировавшая рыхлость и разброд в госаппарате, оставшемся Путину в наследство от ельцинской эпохи. Указанные достижения начали питать патриотические и великодержавные чувства элит и общества уверенностью в том, что Россия обязана пережить новую веку возрождения и возвращения в команду мировых гегемонов.

Вместе с тем, едва ли Москва, как минимум, на тот момент питала надежды на восстановление некоего Союза, по форме и содержанию копирующего канувшую в лету пролетарскую империю. Как сказал сам В. Путин в ходе одной из своих встреч в прямом эфире еще в 2010 году: *«Кто не жалеет о распаде СССР, у того нет сердца. А у того, кто хочет его восстановления в прежнем виде, у того нет головы»*. И, тем не менее, для подобных устремлений у России объективно не было ни достаточных сил, ни ресурсов, и ни самого главного – идеологической платформы, а значит – и мотивации.

Но сохранение дружественных политических режимов на постсоветской периферии, экономический протекторат над бывшими союзными республиками, пролонгация культурно-мировоззренческой лояльности этих стран и обществ к России рассматривались Москвой как вполне посильная задача. Ее решение было продиктовано необходимостью создания и удержания буфера, отгораживающего непосредственные границы РФ от стран НАТО на западе и новой экзистенциальной угрозы в лице исламского экстремизма на юге.

Запад ожидаемо раздраженно воспринял подобные шаги Кремля, из-за которых стал пробуксовывать размеренный процесс экономического поглощения периферийных постсоветских республик (Украина, Молдова, Грузия и др.) и духовно-культурного реформатирования системы ценностей их обществ. Одновременно российский демарш создал сложности для неуклонного продвижения натовских континентов и систем сдерживания к российским рубежам. В самой РФ была крайне затруднена дальнейшая поддержка процесса трансформации менталитета общества в угодном коллективному Западу русле, что делалось с опорой на повязанную бизнес-интересами с США и Европой либеральную оппозицию, российскую финансово-экономическую элиту и на конгломерат «независимых» СМИ, проводящих политико-информационную обработку общества с целью его переориентации на Запад и его ценности.

Еще до своих знаменитых заявлений в Мюнхене и Валдае Путин начал процесс политической «прополки» российской среды от «чуждых элементов», проводящих работу по разрушению выстраиваемой системы государственной власти изнутри: гонения на непокорных олигархов, дробление либеральной оппозиции, принятие законов об «иноагентах» и т. д.

В хронологическом порядке ответом на эти инициативы стала череда «цветных революций» на постсоветском пространстве (Грузия – «Революция роз» в 2003 г., Киргизстан – «Революция тюльпанов» в 2005 г.) и попытки внедрить их алгоритмы и опыт в российские реалии. В итоге, началась долгая и затяжная «гибридная война», суть которой в корне отличается от «холодной войны» прежде всего тем, что стороны отказались от полной взаимной изоляции и определили арену для многоуровневой борьбы – постсоветское периферийное наследие, тот самый буфер, жизненно важный для безопасности России, а с другой стороны, крайне нужный Западу для «удушения» традиционного противника без непосредственного вступления с ним в прямое столкновение.

Методика действий Запада вновь оживила разговоры об антисоветской/антироссийской «Стратегии анаконды», автором которой был участник американской гражданской войны северян против конфедератов в XIX в. генерал Уинфилд Скотт – по сути, первый в истории стратег, выведший формулу «гибридной войны». Согласно конспирологической версии, широко распространенной в российских политических и экспертных кругах, именно этой стратегии придерживались и придерживаются задающие тон действиям западного блока в борьбе с РФ англосаксы. Гибридная война против России была развязана в абсолютном соответствии с тезисами генерала Скотта, но с их адаптацией к современным российским реалиям. Экономическое удушение, санкционные механизмы, формирование очагов нестабильности по периметру границ, создание враждебных режимов на периферии, стимулирование ссор с соседями, сколачивание враждебных прокси группировок на сопредельных территориях, генерация недовольства и бунтарских веяний внутри самой России, возбуждение разочарования и ненависти к представителям власти на всех общественных уровнях... «Скоттовский» арсенал в полном составе был задействован в сочетании с действиями военно-стратегического характера – ползучего продвижения натовских сил к российской границе путем принятия новых членов в альянс, основания новых баз и контингентов, развертывания глобальных систем слежения и контроля уже над территорией РФ.

Комплексная стратегия давления принесла свои плоды еще задолго до известных выступлений Путина, когда западному блоку во главе с США удалось охватить Россию в кольцо и заполнить своим присутствием «ниши» на ее границах – страны Балтии, Румынию и Болгарию, Киргизстан (база Манас), Афганистан. В условиях очередного витка противостояния Западный блок получил возможность активировать все эти новоприобретенные площадки в военно-политическом плане. Постепенно сложилась ситуация, когда в Москве пришли к выводу о необходимости прямого военного вмешательства в процессы, протекающие в буферной зоне, поскольку ни в политическом, и ни на технологичном плане страна не видела возможности остановить процесс своего «удушения». По факту того же добивался и враждебный ей альянс, задействовавший свои методы «выкуривания медведя из берлоги» и провоцирования его на растрату сил и средств во фрагментарных и разбросанных в политико-географическом плане конфликтах.

Первой «вылазкой» Российской армии, ознаменовавшей новый этап противостояния Запад – Россия, стала юго-осетинская кампания в августе 2008-го, известная как «Российско–грузинская война», вслед за которой Москва прибегла к военному вмешательству в сирийский конфликт в сентябре 2015-го. «Арабская весна» была воспринята Москвой как составной элемент глобального наступления НАТО на Восток, и даже если переформатирование Арабского мира и не затрагивало напрямую зону непосредственных интересов России, то ее следствия, как минимум, грозили дестабилизацией ситуации во всем регионе Передней Азии, с перспективой перекидывания пожара к южным ее границам, учитывая диффузное проникновение исламского фактора в демографическую ткань РФ.

Успех ВС РФ в САР и имиджевые приобретения Москвы на ближневосточном стратегическом направлении вызвали эйфорию, поскольку на первых порах считалось, что РФ удалось посредством «дальнего похода» прорвать «Кольцо анаконды» с выходом на юго-западный геополитический простор и лишить НАТО возможности продвижения своих интересов на своем южном фланге. Ощущение победы подпитывалось еще и «успехом» российской дипломатии, добившейся, после известных событий ноября 2015-го – поражения в сирийском воздушном пространстве российского военного самолета турецким истребителем, расстрела летчика Олега Пешкова и последовавшей вслед за этим российско-турецкой конфронтации, внезапного потепления отношений с Анкарой.

Именно тогда возглавляемое Сергеем Лавровым ведомство нарушило монополию российских военных на «сирийском трэке» и внесло в повестку Кремля тезис о том, что с Турцией можно и нужно договариваться. Согласно концепции российского МИД-а, только лояльность Турции к России закрепит успех РФ в Сирии и обеспечит ограничение доступа НАТО через Черное море к Украине, в которой, тем временем, события уже стремительно развивались в крайне невыгодном для Москвы ключе. Концепция была принята Кремлем, и даже загадочное убийство посла РФ в Турции Андрея Карлова в декабре 2015-го не привело к пересмотру российским руководством «Лавровской стратегии» по сближению с Анкарой.

На тот момент времени российская политическая элита всерьез рассматривала возможность вывода Турции из орбиты влияния США и даже ее выхода из НАТО, поскольку сочла заведомую передачу данных турецким властям о готовящемся в июле 2016-го военном перевороте против Эрдогана беспроигрышным «активом» для еще более тесного сближения с «антизападным» турецким руководством. В идеологическом же плане «Лавровская стратегия» подпитывалась в духе дугинско-прохановской историко-философской концепции «евразийства», взятой на вооружение Кремлем в качестве базисного воззрения, призванного обосновать естественную необходимость славяно-тюркского союза против «засилья англосаксов».

Игра Эрдогана на лояльность к Москве и его эксцентричные выпады против Запада лишь укрепляли надежды политико-дипломатических элит РФ на оправданность доверия Анкаре и убедили их приоткрыть дверь для Турции в Южный Кавказ. К тому времени Москва уже предвидела признаки своего неизбежного прямого вмешательства в украинский вопрос, и ее согласие на доступ Турции к

участию в делах Южного Кавказа было не только признаком уступки, но и представлялось Москве необходимой мерой, призванной, с одной стороны, нейтрализовать возможность проникновения непосредственно Западного влияния на Кавказ (турки считались предпочтительнее англосаксов), а с другой – откупиться от Анкары, «подкормить» ее нейтралитет в грядущем украинском конфликте. Начавшая муссироваться с начала 2016-го года «инициатива Лаврова» о передаче Азербайджану 5-и, а затем и 2-ух других «оккупированных» районов Нагорного Карабаха, вероятно, вытекала именно из этих договоренностей с Анкарой и предполагала удовлетворение южнокавказский амбиций Турции за счет армянских интересов и вопреки сложившемуся статус-кво в регионе.

Возможно, Лавров на тот момент считал, что этого будет достаточно для сохранения Россией своих позиций на Южном Кавказе, и, одновременно, для гарантированного увода турецко-азербайджанского тандема от стратегических планов НАТО на Южном Кавказе, предполагающих, как считали и до сих пор считают в Москве, «поджог новой войны» и открытие «южного фронта» против России. И только потом, вследствие несогласия Еревана на «Лавровскую инициативу», успешного отражения апрельской атаки 2016-го года на НКР, а также по причине затянувшегося кризиса на Украине, фиксированный «кредит» обещаний Смоленской площади Анкаре превратился в неограниченный «заем», брать который Турция вознамерилась по собственному усмотрению и с возрастающим с каждым разом аппетитом.

Достаточно распространенный российских нарратив о «желании Армении поджечь новую войну на юге» и недопустимости конфронтаций России с азербайджано-турецкой коалицией зафиксировал очень важные реалии, видимо недооцененные российскими кругами, но впоследствии давшие о себе знать в армянской среде: готовность Азербайджана и его союзника Турции к эскалации за азербайджанские интересы и неготовность РФ к эскалации за интересы своего союзника Армении.

Москва, по сути, закрывала глаза на чинимое Турцией самоуправство на Южном Кавказе, и, не желая признать дипломатический провал в вопросе Нагорного Карабаха, очень скоро вылившийся в акты турецко-азербайджанской агрессии (2020, 2021, 2022, 2023 гг.) против НКР и Армении, предпочла на внутреннем дискуссионном поле оправдывать свои уступки Турции необходимостью сохранения лояльности Анкары за счет малозначимых для Москвы армянских интересов и, тем самым, удержания ее в дали от украинских перипетий. Ведь именно там политическое руководство РФ узрело главный и решающий фронт борьбы с коллективным Западом.

Однако так ли это на самом деле?

Принято считать, что политико-цивилизационный откол Украины от России стал возможным благодаря блестяще проведенной западными мозговыми центрами и спецслужбами комплексной операции по смене элит в этой стране и реформатированию мировоззренческих устоев в ее обществе. Между тем, из общего внимания зачастую выпадает фактор непропорциональной пассивности российской дипломатии, ставшей одной из главных причин утраты Москвой контроля над событиями в Украине. В 2013 году, еще на заре «майдаана», в российских политических

кругах широко обсуждалась тема «бездарной работы» тогдашнего чрезвычайного и полномочного посла РФ в Киеве Михаила Зурабова, допустившего трансформацию страны, имевшей наибольший ресурс дружественных перспектив с Россией, в проект «Антироссия». Этот ресурс был настолько значимым, что первая попытка фактической «майданизации» Украины окончилась неудачей и проигрышем на следующих выборах в 2010-ом президента Виктора Ющенко. Тогда Москва даже не приложила сколь-нибудь заметных усилий, и избрание президентом лояльного Москве Виктора Януковича стало возможным благодаря инерционному стремлению русскоязычного электората Украины отстраниться от тенденций ползучей «европеизации» страны. Однако вторая, на сей раз – уже агрессивная, попытка дерусификации Украины увенчалась большим успехом, поскольку «антизападный» ресурс страны не был рационально использован. Впоследствии в России разговоры о «лавровско-зурабовском провале» быстро сошли на нет, а на первый план дискуссионного разбора причин «потери Украины» были выдвинуты нарративы о «наглом и безапелляционном вмешательстве» Запада во внутренние дела «братской страны». С конца 2013-го по февраль 2022-го работа Смоленской площади по Украине, по сути, не была направлена на изучение причин и исправление ошибок российской политики на «внутриукраинском треке», а скорее представляла из себя демонстрацию несговорчивости и неуступчивости, а также стимуляцию полного разрыва отношений как с самим Киевом, так и его новыми западными покровителями. Смоленская площадь не смогла или не сумела предотвратить украинскую войну, а возможно, и не стремилась к этому, полагая, что пушкам под силу решить вопрос за 3–4 дня, после чего дипломатическому корпусу РФ придется лишь осуществить намного более комфортную кампанию прикрытия операции по «демилитаризации и денацификации» Украины.

По сути, Украина стала ловушкой, куда угодила РФ с подачи своего внешнеполитического ведомства и на фоне просчетов Службы внешней разведки. Анализ первых дней Специальной войсковой операции (СВО) ВС РФ на Украине позволяет сделать вывод, о том, что в первые минуты войны ракетно-бомбовые удары наносились по командным пунктам, но не казармам с личным составом ВСУ, с целью парализовать украинские силы, не нанося им существенных потерь в живой силе. Нестандартным шагом также была высадка российского десанта в пригороде Киева, практически в тылу у противника, в отрыве от основных сил. Данные шаги российской стороны можно объяснить версией подготовки военного переворота в Киеве со сменой власти на пророссийскую, что, по идее, позволило бы избежать лишних жертв. Но это сложные многоплановые операции, требующие четкого понимания ситуации «на земле», больших ресурсов и огромного объема «кулуарной работы» спецслужб. Именно с прицелом на быстрое и не-конфронтационное решение «украинской проблемы» Кремль старался по максимуму избежать жертв среди ВСУ и гражданского населения.

Но, как показало время и изменение философии боевых действий, все пошло не так: Москва не рассчитала силы и, в результате, не смогла избежать экзистенциальной опасности нарушения своих же идеологических постулатов – концепций

славяноцентризма и православной солидарности, по сути, возложив их на алтарь «евразийства». Итогом «украинского провала» стало воплощение в реальность знаменитой формулировки одного из патриархов западной геостратегии Генри Киссинджера, который утверждал, что «*с Украиной у России одна весовая категория, а без нее – совершенно другая*». Сегодня российский нарратив «*война до последнего украинца*» может быть дополнена Западом фразой «*война до предпоследнего русского*». Сотни тысяч безвозвратных потерь с обеих сторон, миллионы беженцев, уничтоженные города и селения на территории в несколько сот тысяч квадратных километров и, что самое главное, взаимная ненависть и неспособность забыть и простить друг друга – это есть наследие украинской войны, от груза которого двум родственным народам будет очень трудно избавиться в будущем. Украинская бойня стала для РФ ловушкой именно потому, что сфокусировала на себе все ее внимание, сконцентрировала все ее ресурсы, солидаризировала вокруг нее все, в том числе – относительно лояльные России западные страны, вновь реанимировала страхи Европы перед угрозой «русского нашествия», и наконец, потому что при любом ее исходе дефиниция Киссинджера обретает реальность.

Вместе с тем вопрос «второго фронта» все еще остается открытым.

Едва ли кто-нибудь сейчас сомневается, что именно Украину Запад готовил как основную площадку столкновения с РФ, как плацдарм для гибридного удара по ее демографии, экономике, военной мощи, путинскому имиджу и государственности в целом. Однако при всем этом есть достаточные основания утверждать, что Украина является отвлекающей целью, и что есть, по крайней мере, еще одна потенциальная площадка войны, детально разработанная Западом, к созданию которой приложила свои руки сама российская дипломатия. Пока Кремль вынашивал планы по военному разрешению украинского кризиса, и пока Смоленская площадь выстраивала фронт дипломатических баталий на западном направлении, Южный Кавказ находился в скрупулезной разработке как потенциальный плацдарм, клином врезающийся в «мягкое подбрюшье» РФ по эту сторону Каспийского моря и с выходом на геополитические просторы Средней Азии – по ту.

На сегодняшний день российские околотовластные, и не только, аналитические круги рассматривают «Бархатную революцию» 2018-го в союзной Армении как результат деятельности западных сил под сенью враждебного России фонда Дж. Сороса и других аналогичных западных структур, хотя и сам И. Алиев в свое время весьма прозрачно намекнул о значительной роли Азербайджана в произошедшем. В этой связи возникает несколько резонных вопросов. Как получилось, что многолетняя «подрывная работа» западных служб, которые готовили переворот в Армении, осталась незаметной для российских спецов, которые, например, за 2 года до этого в случае с Турцией успели оперативно проинформировать руководство этой страны о грядущей попытке захвата власти военными? Некоторые в Армении склонны рассматривать данное обстоятельство, наряду с иными «аномалиями», как доказательство «подсоветности» Н. Пашиняна Кремлю. Если же исходить из логики, что российская сторона, все же предупреждала Сержа Саргсяна о грядущих событиях,

но он не поверил, то его знаменитая фраза «*Я был не прав, а Никол – прав*» должна была бы иметь несколько иную редакцию.

И, тем не менее, российская сторона достаточно толерантно приняла факт изменения власти в Армении, предпочитая не выказывать каких-либо излишних симпатий своим бывшим партнерам не только на этапе революции, но и в ходе первых парламентских выборов, последовавших за сменой власти. В отличие от ситуации с украинским «майданом», сопровождаемым массовыми информационными вбросами российской стороны о «подноготной» «майдановцев», «армянская цветная революция», как ныне принято ее называть в российских кругах, прошла без каких-либо значительных вбросов компромата или «фейков» о ее теневой стороне и т. д. Об особом отношении российской стороны к армянским деятелям до последнего охлаждения отношений могут свидетельствовать еще несколько публично озвученных штриха. Во-первых, публичная поддержка В. Путиным Н. Пашиняна в трудный для последнего период сразу после окончания 44-дневной войны 2020-го, в частности его слова о том, что некоторые обвиняют Пашиняна в предательстве, тогда как он, на самом деле «*сильный человек*» и т. д. Второй момент связан с судьбой арестованной Азербайджаном карабахской элиты, вернее – Рубена Варданяна, которого на определенном этапе в Армении рассматривали как фигуру, обладавшую потенциалом для консолидации оппозиционных Пашиняну политических сил. Дело не только в самом факте ареста, но и в комментарии Путина, который на вопрос о судьбе арестованных карабахцев ответил в том ключе, что «*армянские власти сами не захотели их принимать*». Создалось впечатление, что по данному вопросу российская сторона находилась в тесном диалоге с властями РА и способствовала сценарию событий, устраивавшему Пашиняна.

Сетование российских кругов о радикальном изменении внешнеполитического политического вектора Армении в вопросе ОДКБ и активизации отношений с западными странами звучит несколько запоздало после многолетнего «вальсирования» Кремля с «революционными» властями Армении. Видимо на «армянском трэке», в отличие от «украинского сценария», российская дипломатия в какой-то момент попыталась проявить гибкость и прибегнуть к «мягкой силе», но оказалось отсутствие соответствующего опыта и стереотипы вроде «*А куда они денутся*». Как итог, игры профессионалов с вчерашними активистами поставили под вопрос само присутствие России в регионе. Тем более, после основательного допуска турецких военных в Азербайджан, попущения полной деарменизации Нагорного Карабаха и уничтожения де-факто состоявшейся арцахской государственности – единственного субъекта в регионе, сохранявшего практически стопроцентную лояльность России. Слова российского политика об исходе армян Арцаха – «*Это был трудный, но добровольный выбор*» грешат лукавством и упускают из вида «самую малость» – 10-месячную блокаду арцахцев на глазах у тех, кому они верили – РМК.

С ликвидацией армянской государственности Арцаха, 4 века назад первой заложившей политическую основу и способствовавшей проникновению Российской империи на Южный Кавказ, Москва утратила легитимные основы своего военного присутствия «*на суверенной территории Азербайджана*», отныне став

«непрощенным гостем», одновременно поставив под сомнение свою историческую ответственность за военно-политическое будущее Армении. Т. н. «Зангезурский коридор» в качестве последней уступки тандему Баку-Анкара вряд ли продлит до бесконечности лояльность Турции и ее нейтралитет в конфликте Россия–Запад. Об этом свидетельствует как недавний опыт уступок РМК в Нагорном Карабахе, так и еще более хрестоматийная история большевистско-кемалистской дружбы.

Формулировка посла РФ в Азербайджане о «*контртеррористической операции*» ВС Азербайджана в Нагорном Карабахе стала жирной точкой на «карабахском треке» российской политики. И ничего, что она диссонирует со всей предыдущей парадигмой карабахской проблематики, озвученной как первым лицом РФ, так и министром ИД, который ныне постоянно твердит о неких трехсторонних договоренностях глав РФ, АзР и РА, подлежащих реализации несмотря на утерю основного предмета переговоров – Нагорного Карабаха. В подобных условиях не приходится рассчитывать на инерционную пролонгацию российского влияния в регионе. Сама формулировка посла РФ в Баку Евдокимова показывает, насколько потеряна российская дипломатия, если ей приходится бодро повторять пропагандистские штампы Баку, ставящие под вопрос 30-летний переговорный процесс под эгидой мировых, на тот момент, держав.

В результате имеет место геополитическое переформатирование региона и рост его геополитического значения в стратегических планах коллективного Запада. Именно в данном ключе Турция, с согласия РФ, основательно укрепляется в регионе, постепенно поглощая факторность Азербайджана. Сколько бы российская дипломатия не намекала на то, что Анкара проникает в регион «дозировано», в допустимой для Москвы мере и просто заполняет собой «свободные ниши», на самом деле этот процесс все более походит на выдавливание РФ, иногда даже с опосредованным задействованием Турцией грубой силы.

Именно с ведома России натовская Турция обосновалась в Акне (Агдам) в составе совместной российско-турецкой наблюдательской миссии, якобы для мониторинга ситуации в НК. Может ли Россия, обвиняющая европейских наблюдателей, патрулирующих границы РА с АзР, гарантировать, что турецкий контингент в их совместной миссии не наблюдал, собственно, за РМК и не предоставлял необходимую информацию НАТО в рамках обязательств по обмену разведанными? И вообще, на фоне многочисленных взаимных обвинений арцахской и азербайджанской сторон в нарушении перемирия, видел ли кто-либо официального подтверждения или опровержения со стороны этой совместной *ad hoc* структуры звучавших обвинений? Отговорки российских политиков и экспертов о том, что «*это не НАТО, а Турция*», не выдерживают критики, поскольку Анкара является ключевым и лояльным членом Альянса, а последний является прямым бенефициарием действий Турции в регионе. Надежды «развести» ее интересы с глобальными интересами НАТО наивны, и доказательством тому, например, согласие Анкары на вступление Швеции и Финляндии в НАТО, реанимация масштабных оборонных контрактов между ТР и США, нарастающие поставки турецкого оружия Украине, полный отказ Анкары от реэкспорта российских углеводородов, санкционный демарш против российских банков и т. д. Это на деле, а на словах ТР может, например, быть самым

непримиримым критиком политики Израиля в Газе и, одновременно, активно поставлять Тель-Авиву все, вплоть до боеприпасов.

Но не это самая важная сторона взаимодействия Запада с Анкарой. Турецкая политика по проникновению на Кавказ и далее в Среднеазиатские тюркские республики и установлению широкого спектра особых отношений с ними на основе политико-идеологических постулатов общетюркского единства решают для Запада несколько многоуровневых стратегических задач, по своей значимости, как минимум, не уступающих украинскому направлению.

И так, по нарастающей:

1. Уход Турции из-под «российского влияния».

Если РФ пытается «соблазнить» Анкару т. н. «Зангезурским коридором», то ее антагонисты вполне могут позволить себе обещать ей Среднюю Азию и тюркоязычные регионы самой России для разрушения оставшихся форматов российско-турецкого торгово-экономического сотрудничества, охлаждения отношений и включения Анкары в военно-политические шаги против РФ. На фоне разговоров о наступлении российской армии на Одессу и Николаев разворачивание турецкого черноморского флота в нейтральных водах по периметру российских берегов и открытие проливов для стран Запада могло бы, как минимум, отложить планы по взятию Одессы на неопределенное будущее.

2. Выдавливание РФ из региона Южного Кавказа с последующей неизбежной дестабилизацией ее южных границ по внешнему и внутреннему периметру Северного Кавказа.

Из истории известно, что некоторые страны Запада обладают солидным опытом дестабилизации населенных горцами регионов Кавказа посредством радикального исламизма. А о том, насколько «неуправляемыми» являются исламистские настроения можно судить хотя бы по тому, что вопиющие факты нарушения прав мусульман в Газе не привели к такому всплеску добровольческого движения защитников ислама, как это имело место на территории РФ в ходе последних кавказских войн.

3. Отсечение сухопутной связи между РФ и Ираном, превращение Азербайджана в военный и логистический форпост, нависающий над Ираном с севера.

В данной логике т. н. «Зангезурский коридор» может функционировать и под международным (нероссийским) патронажем. Попытки «скармливания» Мегри и приграничной ж/д и автодороги по азербайджанскому сценарию лишь ускоряют «ненужность» России, пытающейся взять под свой контроль магистрالی, питающие формируемое единое общетюркское политико-экономическое пространство. С другой стороны, наличие сильного, дружественного Западу государства на севере Ирана

имеет для него стратегическое значение в контексте процессов в мегарегионе Большого Ближнего Востока.

4. Диверсификация и снижение зависимости азербайджано-турецких коммуникационных проектов от маршрутов, находящихся в пределах «прямой видимости» российской стороны.

Речь идет о грузинском отрезке основных нефтегазовых маршрутов из Азербайджана, проходящих в непосредственной близости от границ Южной Осетии. Появление дополнительных маршрутов разрушит «грузинскую монополию», со всеми вытекающими из этого краткосрочными и долгосрочными последствиями как для Тбилиси, так и региона в целом.

5. Превращение Азербайджана в военный, политический и логистический плацдарм на западном берегу Каспия для активизации политики на его восточном берегу.

Уход Азербайджана из-под российского влияния удлинит границу РФ с недружественными странами, что для нее будет означать необходимость привлечения дополнительных сил и средств на ее безопасность. При этом, в политическом и инфраструктурном плане Азербайджан может рассматриваться в качестве основы для формирования общетюркских вооруженных и военно-морских сил без излишнего прямого вовлечения в данный процесс члена НАТО Турции, а сам формируемый альянс – как прокси НАТО.

6. Развитие общетюркской военно-политической и экономической инфраструктуры на восточном берегу Каспия и республиках Средней Азии.

Создание военно-морских сил и превращение Каспия в «Тюркское озеро», как минимум, поставит под удар морские пути между РФ и Ираном.

7. Усиление влияния Турции в Средней Азии с одновременным выдавливанием российского политико-экономического присутствия в регионе.

Так, охлаждение отношений с Казахстаном удлинит сухопутную границу РФ с «недружественными странами» еще на 7 тыс. км. При этом уход РФ из Средней Азии в целом приведет к росту трансграничной контрабанды наркотиков и экстремистов из Афганистана и других мест, будет способствовать росту напряжения в приграничных тюркоязычных регионах РФ и не только.

8. Купирование влияния Китая в Средней Азии.

Важность указанного направления обусловлена для Запада также возможностью купировать рост политико-экономического влияния Китая в регионе посредством задействования местных националистических идеологий и формирования общетюркской политической идентичности.

Реализация вышеуказанных шагов может стать возможной и перспективной после недооценки армянского фактора в регионе, приведшей к практическому «оголению» Россией своих южных рубежей безопасности и передаче Анкаре южнокавказской

буферной зоны. Армения и Арцах были тонким, но непреодолимым препятствием на данном направлении, и только изменение баланса сил могло привести к необратимым изменениям в регионе и за его пределами. Если именно такая цель стояла перед Смоленской площадью, то она была блестяще воплощена в жизнь. В противном случае «скармливание» армянских государств азербайджано-турецкому «крокодилу» в надежде на его «дружбу» представляется авантюрой, вызванной либо профессиональной непригодностью и атрофированным пониманием государственных интересов России, либо коллаборационизмом архитекторов имеющегося расклада.

Оценка произошедшему станет понятна в общей логике поствыборных реалий. Пока же складывается устойчивое впечатление, что кое-кто сделал все от себя зависящее для создания максимально удобных позиций для противника, а мюнхенские и валдайские послы президента РФ так и останутся в истории неосуществленными лозунгами отчаянной попытки российской державы выпрямить спину в решающей схватке со своим давним антагонистом.

P.S. В своем аллегорическом «Плане анаконды» американский генерал Скотт не упомянул об одной очень важной особенности некоторых змей, существующих в природе. И тем не менее, мы думаем, что эта особенность вполне может быть задействована в методике разработанной «гибридной войны» на удушение. Речь идет о том, что благодаря особой расцветке у некоторых змей хвост практически не отличается от ее головы, и пока жертва оцепенело вглядывается в хвост в ожидании атаки, внезапный удар настигает ее со спины или сбоку.